

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А. Ю. СМЕРНОВ

**Свобода слова
по-французски:
либеральное
движение в эпоху
Рестаурации**

Еще в 1817 г. во время судебных процессов над издателями королевскими адвокатами было разработано положение, предусматривающее привлечение к ответственности владельцев типографии, нарушающих правительственные запреты. Однако, по мнению Б. Константа, у владельца нет ни времени, ни необходимых знаний для выявления крамолы. И ко всему прочему существует такая мера, как предъявление нескольких экземпляров до продажи, которая возлагает ответственность на администрацию, а не на владельца типографии¹. Говоря об обязательствах, накладываемых на журналистов, а значит, и на владельцев типографий, Б. Констант потребовал, чтобы в случае привлечения какого-нибудь печатного произведения к ответственности конфискация его до приговора суда воспрещалась. Однако победила более консервативная точка зрения министерства, и суду было предоставлено право налагать арест на всякое издание немедленно после привлечения его к ответственности.

Путем долгой борьбы «независимые» все же добились снижения залогов для изданий, выходящих в департаментах, причем огромная заслуга в этом принадлежала Б. Константу.

«Независимым» также удалось добиться некоторого понижения размеров штрафов и принятия по-

правки, по которой владельцы типографии не несли ответственности за содержание печатных изданий, если были известны автор или издатель крамольного произведения.

С момента провозглашения Хартией свободы печати либералы стали ее активными защитниками. В сложившейся уникальной политической ситуации во Франции законопроект де Серра объективно соответствовал либеральным представлениям времени, но в то же время субъективно отвечал интересам всех реакционных сил, стремящихся вернуть недавнее прошлое. И в этих условиях, выступая за свободу печати как одного из важнейших гарантов гражданских свобод, Б. Констант — крупнейший теоретик либерализма был уверен, что только поставленная под строгий и регламентированный контроль со стороны государства пресса сможет реально влиять на общественное мнение в нужном для оппозиции духе и сможет предотвратить обострение социальных противоречий в стране.

Интересно отметить, что и «доктринеры», и «независимые», в частности Б. Констант, несмотря на порой резкую критику, не под-

Окончание. Начало в №1 за 2004 г.

¹ См.: Constant B. Discours... P. 64–66.

вергали сомнению принципы, на основе которых были выработаны принятые законы. Они считали необходимым введение наказаний за преступления печати, переданных в ведение суда присяжных, и видели в системе залогов важную гарантию недопущения вседозволенности¹.

После того как были значительно ослаблены цензурные путы, антиправительственная направленность газет приобрела более резкий, а порой и оскорбительный характер. Власти пытались бороться с этими изданиями путем привлечения авторов и издателей к судебной ответственности. Однако к ожидаемому результату это не привело, поскольку с введением суда присяжных по делам прессы большинство процессов заканчивалось вынесением оправдательных приговоров. Все это вызывало понятное недовольство и озабоченность в правительственных кругах, где уже вызрела идея изменить закон 1819 г.

Убийство герцога Беррийского — наследника престола положило конец колебаниям. Уже 14 февраля 1820 г. Деказ внес в палату на рассмотрение законопроект, который предусматривал введение на пять лет предварительной цензуры, а также для всех периодических изданий восстанавливалась необходимость предварительного разрешения. Правительство, во главе которого вновь оказался Ришелье, решило предоставить новый проект закона о печати на рассмотрение в палату пэров². После одобрения в палате пэров 18 февраля 1820 г. этот законопроект был передан на обсуждение в палату депутатов. Поскольку либеральная печать широко пользовалась свободами, предоставленными ей законом де Серра, то введение цензуры ущемляло либеральные права и сво-

боды подданных. «Независимые», которые видели в законах 1819 г. осуществление обещаний Хартии, подвергли законопроект сокрушительной критике, усматривая в нем нарушение Конституции³.

Повторяя идеи, высказанные еще в 1814 г., Б. Констан считал, что законопроект закабалает свободу печати и убивает гласность, единственную гарантию граждан⁴. По его мнению, приостановив свободное распространение газет, правительство отдаст себя в руки платных агентов. В результате правительство будет лишено объективной и полной информации, поскольку агенты будут передавать лишь то, что хочет услышать от них министерство, или же будут просто искажать факты для оправдания своих действий. Б. Констан сравнивает цензоров со шпионами, поскольку и тем и другим выгодно, когда есть виновные. А если их нет, то их нужно выдумать⁵. Таким образом, по глубокому убеждению Б. Констан закон от 15 марта 1820 г., ущемляющий личные права граждан, является реакционным по своей сути. Закон о прессе в случае его принятия становится следующим шагом в этом направлении.

Обсуждение проекта закона о цензуре в палате депутатов проходило в напряженной и нервной обстановке. Каждое заседание прерывалось криками с места, взаимными оскорблениями и взрывами всеобщего негодования. Каждый параграф, каждая статья, обсуждаемые либералами, становились для них поводом к новым дискуссиям и внесению поправок. Казалось, что они одни занимали трибуну, однако они не смогли убедить правительство в необходимости сохранения свободной прессы в качестве гарантии внутреннего спокойствия страны⁶. Де-

¹ Бутенко В. А. Из истории французского законодательства о печати // Вестник Европы. 1913. №7. С. 164.

² Droz J. Op. cit. P. 116.

³ Jardin A., Tudesque A.-J. La France des notables. L'évolution générale 1815–1848. Paris, 1975. V. 1. P. 49–50.

⁴ Constant B. Collection complète des ouvrages. V. 2. P. 414–416.

⁵ А. Р. V. 26. P. 646.

⁶ Vaullabelle A. Histoire des deux Restaurations jusqu'à l'événement de Louis-Phillipe. Paris, 1864. V. 6. P. 122–123.

путаты от министерства и роялисты просто оставляли замечания выступавших от оппозиции депутатов без внимания. На все их доводы правые утверждали, что «свобода является самым страшным бедствием, которое только может постичь какой-либо народ»¹. В ответ на это левые возражали, что правительство встало на путь контрреволюционной политики. «Нам говорят без конца о контрреволюции, — заявил Бенуа, — но на самом деле контрреволюция уже свершилась, причем, посредством Хартии»². Приблизительно в таком же духе выступил и один из признанных лидеров «независимых» Манюэль, речь которого прерывалась криками «браво» и аплодисментами со стороны левых³.

Представители левых не оставляли надежд смягчить действие закона целым рядом поправок. Так, Савуа Роллен предложил освободить от цензуры отчет о дебатах в палате депутатов. Но особое рвение в этом вопросе проявил Бенжамен Констан. Он продолжил целенаправленное разоблачение реакционной политики министерства, поскольку был убежден, что когда правительства встанут на дорогу деспотизма, то они уже не могут остановиться. Сперва они хотят лишь повиновения. Однако ужесточение режима приводит к усилению сопротивления, что вызывает новые репрессии. Так зарождаются все тирании: если сначала они выступают за умеренность, то всех их затем неизбежно тянет от нее отказаться, в свое оправдание они вынуждены ссылаться на мятежи реальные и надуманные, на заговоры действительные и вымышленные. Это неизбежный и гибельный путь. «Тирания появляется там, где нет свободы личности и свободы независимой прессы»⁴ — эти сло-

ва Б. Констана стали боевым девизом «независимых».

Как и ожидалось, все поправки левых были отклонены⁵. С другой стороны, поправки правых, стремящихся еще более ужесточить закон, также не были приняты⁶. Так, например, была отвергнута поправка Жоссе Бовуара о подчинении цензуре не только периодической прессы, но и изданий объемом менее пяти страниц⁷. В итоге 30 марта 1820 г. закон о введении цензуры был одобрен 136 голосами против 109. Единственной уступкой, которой добилась оппозиция, явилось то, что согласно поправке, принятой в палате пэров, цензура вводилась не до 1825 г., а лишь до конца сессии.

Вскоре сам Б. Констан, признанный лидер французского либерализма, на себе испытал действие нового закона, подвергшись нападкам со стороны ультра. Так, в одной из многочисленных ультрароялистских газет было напечатано, что неудавшийся убийца Гравье, готовивший покушение на короля, накануне своего ареста обедал в обществе известных и постоянных либералов. Слово «постоянных» было выделено шрифтом так, что получался намек на фамилию Constant, что бросало тень подозрения в подготовке покушения на лицо королевской семьи на самого Констана. Естественно, все это являлось провокацией и было сфальсифицировано. Таким образом, уверенность в своей правоте и решительность, с которой Б. Констан отстаивал свои политические убеждения, навлекли на него гнев ультра, прибегнувших в ходе борьбы к провокации с намерением опорочить его в глазах общественности. «Когда пресса свободна, такие вещи неважны, они заслуживают лишь одного презрения. Но во время действия цензуры клевета

¹ А. Р. V. 26. Марселиус Р. 583, Лябурдоннэ. Р. 574.

² Ibid. Бенуа. Р. 378.

³ Ibid. Р. 767.

⁴ Constant B. Discours... V. 1. Р. 272-273.

⁵ А. Р. V. 26. Р. 740.

⁶ Ibid. Р. 730-740.

⁷ Ibid. Р. 753-754.

становится привилегией», — говорил он, указывая на разгул клеветы в ультрароялистской прессе¹.

Министр внутренних дел Симеон вновь вынес на рассмотрение палаты депутатов проект закона о продлении цензуры от 7 июня 1821 г. Главным доводом правительства в поддержку продления действия закона от 31 марта 1820 г. являлась уверенность в том, что после убийства герцога Беррийского страсти еще не улеглись. Сам Симеон считал, что цензура действует не только в интересах правительства, но и всех граждан². Первоначально комиссия, назначенная палатой депутатов, отклонила этот законопроект, поскольку правые, из которых она полностью состояла, придерживались совершенно иной точки зрения, чем правительство. После принятия закона о цензуре ультрароялистские газеты тут же почувствовали ее действие на себе, и поэтому уже теперь правые, а не, как прежде, левые, отказывались поддерживать продление цензуры на новый срок. Докладчик от комиссии, отклонившей законопроект, Воблан прямо заявил, что цензура по своей природе является не чем иным, как произволом, к тому же не давшим ожидаемых результатов³. Затем дискуссия была перенесена в палату депутатов.

Левые, в частности «независимые», выступили категорически против введения цензуры. Так, например, депутат Жирарден заявил, что не понимает, почему правительство продолжает держаться цензуры, которая становится смешной рядом со свободой парламентской трибуны, поскольку свобода печати является ее неизбежным следствием⁴. Что касается Бенжамена Констана, то он признает, что применяемая к газетам цензура абсурдна, поскольку газеты — это

оружие, и цензура отдала его в руки тех, кто больше всего заинтересован им злоупотреблять⁵. Подводя итоги действия цензуры, Б. Констан приходит к выводу, что, в то время когда министры, требуя введения цензуры во время обычной парламентской сессии, заявляли, что она успокоит страсти, сотрет различия, гарантирует репутации граждан, пятнадцать месяцев цензуры стали поистине настоящей вакханалией клеветы. Б. Констан с горечью констатирует, что личная репутация граждан была отдана в полное распоряжение всего того презренного, что существует в обществе. Сочинители клеветнических статей и цензоры разделили свои роли в разжигании скандалов — первые поражают свои жертвы, вторые навязывают им молчание: они окружают их оскорблениями и не дают на них отвечать. Даже сами депутаты нередко подвергались нападкам, а цензура всегда прикрывала эти грязные газетенки стеной безнаказанности⁶.

В то время как цензура должна была привести к восстановлению «золотого века», с иронией замечает он, она лишь подогрела страсти и ненависть, поскольку ничто не вызывает большего негодования, чем оскорбление, на которое нельзя ответить. Таким образом, заключает Б. Констан, принцип цензуры несправедлив, ее применение постыдно, ее цель не достигнута. Речь Констана была поддержана левыми, выразившими свое согласие с выступавшим аплодисментами и возгласами одобрения. Упразднение цензуры, считал Б. Констан, сыграет на руку одним лишь ультрароялистам, которые навязывают свою волю не только министерству, а фактически и всей нации. Он открыто указывал на правых как главных инициаторов введения цензуры, теперь же недовольных ею и пытающихся ослабить ее узы⁷.

¹ Constant B. Discours... V. 1. P. 332–335.

² A. P. V. 32. P. 532.

³ Ibid. P. 470.

⁴ Ibid. P. 586.

⁵ Constant B. Discours... V. 1. P. 560–561.

⁶ Ibid. P. 562.

⁷ Ibid. P. 569–570.

Все попытки как левых, так и правых добиться изменений в законопроекте ни к чему не привели. Так, например, была отклонена поправка Жоссе Бовуара и Куртавеля об ограничении действия цензуры тремя месяцами, после открытия сессии. Та же участь постигла и поправку Б. Константа, в которой он предлагал печатать имена цензоров на первых страницах газет, чтобы можно было определить, кто персонально отвечает за ту или иную публикацию.

В конце концов правительству удалось переломить ход сессии в свою пользу. Немалая заслуга в этом принадлежала Бональду, предложившему поправку, согласно которой цензуре подвергались все газеты и периодические издания независимо от названия. Напрасно Манюэль пытался убедить депутатов, что не нужно давать правительству власть, которую оно не просит. Напрасно он пытался получить у министров ответ: служат ли они одной какой-то партии или народу и королю? Диевержье де Оранн, историк и публицист, отмечал: «Правые, возмущившись, что на одну доску поставили народ и короля, проголосовали большинством голосов за поправку, и она была принята»¹. В итоге весь проект закона был одобрен 26 июля 1821 г.

С продлением действия цензуры и ее ужесточением за помещение запрещенных статей газеты немедленно привлекались к судебной ответственности. Судьи уже в противоположность процессам 1819 г. выносили суровые приговоры. Так, группа либеральных журналистов была приговорена к таким высоким штрафам, что у них больше не осталось средств для дальнейшей борьбы. Из многочисленных либеральных изданий были вынуждены закрыться «Реномме», «Сензер», «Индепендант» и другие, так что к осени 1820 г. остался лишь один «Конститусионель», который беспрекословно выполнял все требования цензуры. Что касается ульт-

рароялистской прессы, к которой цензура относилась гораздо более снисходительно, то она сохранила за исключением газеты «Консерватер» все свои печатные органы.

С образованием правительства Виллеля 14 декабря 1821 г. к власти пришли ультра-роялисты, бывшие до тех пор в оппозиции. Ими была произведена чистка госаппарата от слывших либералами чиновников, а также были приняты меры по ужесточению контроля над прессой². Правительство Виллеля разработало новый законопроект, по которому открытие всякого нового издания, публикующего статьи на политические темы, должно быть подчинено королевскому разрешению. За правительством сохранялось право устанавливать цензуру ордонансом, подписанным тремя министрами в период между сессиями. Если же в течение месяца после открытия сессии ордонанс не становился законом, то цензура должна была прекратить свое действие. По новому законопроекту газете можно было вменить в вину общий дух ее статей, чтобы начать судебное преследование, в случае если общее направление этой газеты противоречило сохранению гражданского мира, уважению к религии и королевской власти или посягало на неприкосновенность национальных имуществ. Еще одним нововведением явилось изъятие дел о печати из ведения суда присяжных и передача их в компетенцию королевского суда³. Нужно отметить, что комиссия, рассматривавшая законопроект, в целом его одобрила, смягчив, однако, положение о закрытии газеты после первой подачи жалобы, — теперь это сделать было можно только в третий раз и уже навсегда.

Обсуждению законопроекта «Об общем духе и направлении» предшествовали дебаты в палате депутатов по проекту закона о наказаниях за преступления по делам печати, во многом изменявшему либеральное

¹ Duvergier de Hauranne. Histoire du gouvernement parlementaire en France 1814–1848. Paris, 1857. V. 6. P. 367.

² Tulard J. Les revolutions de 1789 a 1851. Fayard, 1985. P. 346–347.

³ Droz J. Op. cit. P. 117.

законодательство 1819 г. В проекте закона предусматривалось наказание за оскорбление «государственной религии или всякой другой религии, законно признанной». Под определение преступного призыва подпадал призыв к разжиганию ненависти и презрения по отношению к правительству и королю. Палатам предоставлялось право самим судить оскорбления, направленные против них, а также наказывать штрафом или тюремным заключением неверное изложение дебатов в парламенте. По новому закону не допускалось доказательство фактов клеветы против официальных лиц, когда эти факты касались их функций, в отличие от закона 1819 г. К тому же комиссия, которая рассматривала этот законопроект, внесла в него еще ряд положений. Она давала судам право временно прекращать издание газет или совсем их запрещать, а также изымала из ведения суда присяжных дела о печати и передавала их в ведение королевских судов. Наконец, вводилось наказание за разжигание ненависти у граждан против одного или нескольких классов людей, причем термин «класс» не был четко определен, что предоставляло правительству поле для злоупотребления. В таком виде этот закон поступил на рассмотрение депутатов и был подвергнут безжалостной критике со стороны левых.

Левые энергично выступили против уничтожения суда присяжных по делам прессы, видя в этом угрозу полного уничтожения свободы слова¹. Был вынесен на рассмотрение ряд поправок, авторы которых, как, например, Бовиль, пытались предотвратить принятие закона². Сам Б. Констан энергично поддержал предложение Бовиля, полностью уверенный в том, что если на горе всей Франции из ведения суда присяжных будут выведены дела по прессе, то люди, ко-

торые защищали суд присяжных изо всех сил, и далее продолжат эту нелегкую борьбу³. Отказываясь от свидетельских показаний против государственных чиновников, правительство, по мнению Б. Констана отнимало у граждан последнюю гарантию свободы. «Господа министры, вы свернули с конституционного пути, вы на грани очевидной узурпации власти; я же в ней не хочу принимать никакого участия, даже голосуя против принятия закона!» — с отчаянием восклицал он⁴. Все попытки левых отклонить или внести в законопроект изменения были обречены на неудачу. В итоге законопроект был принят со всеми усугубляющими его поправками, кроме одной, устанавливающей различное наказание за оскорбление государственной и других религий, поскольку против нее активно выступило само правительство.

Что касается законопроекта «об общем духе и направлении», к обсуждению которого приступили сразу же после принятия измененного закона 1819 г. о преступлениях, совершенных посредством прессы, то все министры и поддерживающие их депутаты однозначно выступили в поддержку первой статьи о предварительном разрешении. Это незамедлительно вызвало ответную реакцию левых. По мнению одного из депутатов от «независимых», единственной законной гарантией является залог, а не прихоть министра разрешать или нет издание газет. Все это является очевидным нарушением Хартии. Правительство и правые нашли недостаточными наказания за преступления печати, также их не устроила сама формулировка этих преступлений⁵. В ответ на это либеральная оппозиция заявила, что осуждение за «общий дух и тенденцию» является ложным принципом⁶.

¹ А. Р. V. 34. Манюэль. Р. 332; 349.

² Ibid. Р. 332-336.

³ Constant B. Discours... V. 2. Р. 42.

⁴ Ibid. Р. 55.

⁵ А. Р. V. 34. Мартиньяк. Р. 99-100; Виллель. Р. 467; Пезроннэ. Р. 506; Корбьер. Р. 528.

⁶ Ibid. Манюэль. Р. 524.

Статья четвертая, согласно которой правительству предоставлялось право устанавливать цензуру, основывалась на статье 14 Хартии, которая узаконивала издание чрезвычайных ордонансов в случае, если государству угрожает опасность, такая как, например, война или восстание. Левые единодушно выступили против этой статьи, в которой они увидели стремление министерства к неограниченной власти¹.

Представленные на рассмотрение палаты депутатов законы о прессе вызвали серьезную обеспокоенность Б. Констана. Особую активность он проявил при обсуждении третьей и четвертой статей законопроекта «об общем духе и направлении», который, по его мнению, являлся не чем иным, как средством привести аристократию к власти вопреки Хартии. «С принятием четвертой статьи, — предупреждал Констан депутатов, — будет уничтожен даже намек на конституционное правление, и воцарится ничем не прикрытый деспотизм». Причем он откровенно посягал

на Хартию — эталон либерализма для доктринеров: «Если Хартия включает в себе возможность диктатуры, то она бессмысленна, ибо если существует такая статья (речь идет о статье 14 Хартии), то она лишает всякого смысла остальные статьи, и в таком случае эта Хартия сама будет тираном, уничтожившим закон, справедливость, правосудие, права правительства и обязанности народа», — говорил он².

Ультрароялисты все как один проголосовали за законопроект, значительно ухудшавший положение свободной печати. Оппозиция в лице либерального левого крыла ничем не смогла им помешать. В дальнейшем с принятием парламентом закона об «общем духе и направлении» правительство начало целую серию судебных процессов против либеральных изданий и окончательно встало на путь реакции. Путь, который был прерван свержением Бурбонов во время «трех славных дней» в июле 1830 г.

¹ А. Р. V. 34. P. 503.

² Constant B. Discours... V. 2. P. 92.